

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 41 (93)

9 ОКТЯБРЯ

1943 г.

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1-я страница: Передовая—Летописцы народной славы. О. Ургарт—Боевые традиции эстонской литературы (к 1-й конференции эстонских советских писателей). Варвара Обухова—В Полтаве. — С. Швецов, И. Резницкий—Песни протеста. — И. Любинский—Настоящий фронтовой, Максим Танк—Сталін так сказа!—Советские фильмы за рубежом.

2-я страница: Константин Федяев—Он (из блокнота писателя). — Проф. Н. Коробков—Историческая достоверность и творческая интуиция. — Н. Самойлов—Мастерство военного стиха. — Информация.

Варвара ОБУХОВА

В ПОЛТАВЕ

ЛЕТОПИСЦЫ НАРОДНОЙ СЛАВЫ

Кончилась короткая пауза в боевых действиях. Вновь на огромном фронте — от Витебска до Тамани — армии советского народа пошли в наступление, сметая врага с родной земли. И вновь над Москвой гремит торжественный салют, отдаваясь разношерстным эхом во всем мире. Вязь Невель — узел железных дорог и важный опорный пункт обороны немцев. Возвращена речка Тамань, наши воины твердо встали на правом берегу Днепра. Великая отечественная война остается в истории как война все народная. С необычайной силой ощущает каждый советский человек — и боем любого участка фронта, и доменщик Урала, и землемера Сибири, и хлопкороб Узбекистана, — что победа над Невелем — это на берегах Черного моря — событие в его личной жизни и в той или иной мере — дело его собственных рук. Понятно его стремление увидеть во всем все новое и важное, что происходит на линии фронта. Счастливая возможность быть не только современником и участником, но также очевидцем великих событий дает ему кинохроника, фронтовой кинорепортаж.

Работа военного киножурналиста почетна и трудна. Он должен быть смел: его рабочее место — рядом с бойцами наступающей Красной Армии. Он должен быть зорок: миллионы людей ждут, чтобы он увидел самое главное и важное на поле боя. Он должен быть мастером своего дела, чтобы не только хорошо увидеть, но и верно запечатлеть неизвестные черты героев и событий.

Именно таковы лучшие деятели нашей военной кинохроники.

Молодые операторы А. Е. Алексеевы в самой гуще боевых схваток прекрасно застили отражение вражеской контратаки на высоте Близинянской. Оператор М. Пойченко в сложнейшей обстановке сумел зафиксировать на кинопленке яркие картины военного быта «Малой земли». Е. Лозовский, снимавший танковую атаку, и К. Писанко, участвовавший в воздушной битве, кроем своей сплели за прекрасные документальные кадры. На суше и на море, на фронте и в тылу врага советский кинохроникер с честью и достоинством выполняет свое высокое призвание.

Имена лучших людей фронтовой кинохроники известны советскому зрителю. Их труд и мужество, а также мастерство режиссеров хроник мы обязаны появлением таких картин, как «Разгром немецких войск под Москвой», «Ленинград в борьбе», «Сталинград», «Черноморье», «Орловская битва», «Народные испытатели», и других монументальных кинополотен, вызвавших восхищение всего передового человечества. Эти же люди дали нам слоганы кинолетописи военного времени, главы которых мы видим в выходящих на экран новых выпусках Сознаниекинауна.

Их лепотище не бесстрашна, она проникнута горячим патриотическим чувством.

В хронике, как и в любой области искусства, нельзя ставить знак равенства между объективностью и объективизмом. Снимая руины городов, разрушенных фашистскими троцкистами, или подвиги советского воина, советский кинохроникер не может холодно «фиксировать» факты. Его точку зрения определяет не расположение камеры в пространстве, но ведение горячего человеческого сердца.

Это надо помнить, чтобы до конца понять удачу нашего военного кинорепортажа и характер его профессионального совершенствования. Источником этих успехов служат и овладение техникой съемки, и живая волновозность оператора, участника великой битвы, и его растущее умение идеально смысливать факты.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В съемках под Москвой, в Севастополе, под Сталинградом фронтовые киножурналисты научились показывать в конкретном факте общее, типичное. Многие из кадров стали прекрасным выражением патриотизма и мужества советского человека, мощи нашей боевой техники. Но кадры хроники не всегда давали ощущение конкретного

и его понимания, а также удачи нашего боевого кино.

Необходимо, наконец, повысить оперативность киножурнала, сократить сроки его подготовки и выпуска.

Славные победы Красной Армии вновь становятся хватчиков по всему миру. И советские киножурналисты, идя в боевые походы Красной Армии, день за днем заносят на целикомодные скрипки ее бессмертные подвиги, сделав их достоянием современников и создавая величественные памятники славы советского оружия.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

случайного. Кадры допирать еще не передавали обликам войны, они были лишь отчетом об отдельных событиях.

В первых военных киносъемках операторы не всегда удавалось а увиденном факте найти главное. В самом отборе фактов было много

О Н

На блокноте писателя

В тех местах, где немец побыл, где проклятие его армия, поставила его власть, его зовут — он. Гражданская схватывательница, и красноармеец крестьянский «мальчик» и старик-мастерской почти никогда не скажут — немец, германец, противник, враг, но всегда однозначно и запечатывающе: он.

Он угнал. Он спалил. Он подорвал миной. Он искалекал. Конь он пришел... Когда он уходил...

Он — это олицетворение всего, принесенного инсеменной волей. Он — это разорение, дно щепты. Он — это война. В кратчайши, и как бы вскользь, выговариваемом этом слове слышится что-то отверженное-чуждое. За пределом этого звука начинается небытие.

Но предел этого — конец света

Очень часто кажется, что развилое воображение способно создать любую картину горя и разрушения. Пожарища войны представляются тебе тогда, как только проиннесены эти два слова. Но воображенная картина лишена силы, разрывания, а сила, полнота переживания, ария, отхода, бека или плавь с востока на запад...

Балаконским Мценск взорван. Глыбы кирпичей, ошарашенные известью, мазанцы, наваленные по обе стороны Зуши. Всё центро поворота в плахах. Усталими муравьями приподнятыми и клонящимися к земле между развалинами людьми, в надежде отколовся, и только по окраинам видели деревянные домики, и народ в великой заботе суету по улицам...

Орел — это десятиминутное умопомрачительное развалины Мценска. Вынужденный бросать места, которые тепло насыщены, покидать позиции, крепости, которые со смаком настроены, оставлять нацики край, сладость которого текла по усам и едва не попала в рот немецкой уничижает все, что поддается уничижению.

Он ждет, палил огнем хаты, избы, амбары, сараи, риги — всяко строение, будь то человечий дом, будь то собачья конура — лишь бы оно горело. Он рвет и гомит каждый мост через канаву, передезы и переправы. Он рубит и валит леса, как во времена Батыя, нагромождая засеки против преследующего его Красной Армии. Он упраздняет железные дороги, подрывая рельсы на каждом стыке, перенаправляя взрывчаткой неоднократно терроризированный станий, разъездов, вокзалов. Он разносит минами здание за зданием, переходя от одного к другому, точно в адской кадрили.

Позади него остаются руины Дантонских настроений, денизенщина, кирпичной крошки, известию, бетонной, глинистой пыли, припуренной сверху пеплом и сажей. Тлен великого прошлого. Слезы землетрясения. Былье. И больше ничего.

По дороге ко Мценску мне пришлось переночевать в крошечном городке Черни Тульской области. Черни были непроложительного занятия германской армии в 1941 году — первым русским городом, перешедшим руку в руку, и отбросившим его от своих неприступных ворот Гордые брустверы, поперек тульских улиц, упали и поникли. В Черни делать немца было нечего, разгуляться — нечего; городок скромный, неприметный, как подожжен. И хотя немец в 41 году был не тот, что теперь — был его тогда в эту войну мы только вторые, и он имел основания считать, что случился просто какой-то малобюджетный курьез, — природы своей, однако, он переменился не мог и городок разрушил. Он выбрал, правда, что получше — новую школу, крупные здания районных учреждений, все, чем могла похвастаться Черни, которая так же строилась до войны как люби наш город — выбрал лучшее и взорвал. Это лучшее, однако, состояло из почти десятых всех строений.

Начиная со Мценска, следы немецких разрушений еще не прикрыты обманчиво-живописным покровом сорняков и простираются на запад во всей своей устрашающей наготе.

Первальная линия немецких око-пов, за ней — вторая, раскинутые на стороны проволочные заграждения, починенные, свеже выструганные мосты, первый десяток вскрытых минных оболочек, отброшенных в кувет, за обочину, шоссе, увязшие склады германских солдат, наложенные позади траншей руками подневольных мценских горожан (о, бессмертная склондомная немецкая практическость!), — и вступаю на «всвобожденную землю Орловщины».

Здесь хочется минуту постоять, как у могилы бесстрашного солдата, как у памятника славы. На этих холмах, по ленивым их склонам, на виду у отдаленного горизонта, где-то где завитого простыми и ми-

ными перелесками, двинулись вперед наши войска, после того как полторы тысячи орудийных стволов пробили брешь в оборонительной стене врага. Рыбком с этих полей войска перекинулись через реку Зушу и пошли к Оке, вскоре раздвигая прорыв, шире и шире, охватывая отступающих немцев. Здесь началась Орловская битва. Здесь поломилась и рухнула одна из немецких военно-политических изюмин — вера в летний сезон, как в сезон успешных немецких наступлений. Здесь наперекор отжимающему немецкому спасению, поставлено исходина летних наступательных побед Красной Армии 1943 года.

С этих холмов начинает раскрываться картина немецких поражений, и становится видно, с каким безумием сопротивляется потрясенный враг, отходя, бека или плавь с востока на запад...

Балаконским Мценск взорван. Глыбы кирпичей, ошарашенные известью, мазанцы, наваленные по обе стороны Зуши. Всё центро поворота в плахах. Усталими муравьями приподнятыми и клонящимися к земле между развалинами людьми, в надежде отколовся, и только по окраинам видели деревянные домики, и народ в великой заботе суету по улицам...

Орел — это десятиминутное умопомрачительное развалины Мценска. Вынужденный бросать места, которые тепло насыщены, покидать позиции, крепости, которые со смаком настроены, оставлять нацики край, сладость которого текла по усам и едва не попала в рот немецкой уничижает все, что поддается уничижению.

Он ждет, палил огнем хаты, избы, амбары, сараи, риги — всяко строение, будь то человечий дом, будь то собачья конура — лишь бы оно горело. Он рвет и гомит каждый мост через канаву, передезы и переправы. Он рубит и валит леса, как во времена Батыя, нагромождая засеки против преследующего его Красной Армии. Он упраздняет железные дороги, подрывая рельсы на каждом стыке, перенаправляя взрывчаткой неоднократно терроризированный станий, разъездов, вокзалов. Он разносит минами здание за зданием, переходя от одного к другому, точно в адской кадрили.

Позади него остаются руины Дантонских настроений, денизенщина, кирпичной крошки, известию, бетонной, глинистой пыли, припуренной сверху пеплом и сажей. Тлен великого прошлого. Слезы землетрясения. Былье. И больше ничего.

По дороге ко Мценску мне пришлось переночевать в крошечном городке Черни Тульской области. Черни были непроложительного занятия германской армии в 1941 году — первым русским городом, перешедшим руку в руку, и отбросившим его от своих неприступных ворот Гордые брустверы, поперек тульских улиц, упали и поникли. В Черни делать немца было нечего, разгуляться — нечего; городок скромный, неприметный, как подожжен. И хотя немец в 41 году был не тот, что теперь — был его тогда в эту войну мы только вторые, и он имел основания считать, что случился просто какой-то малобюджетный курьез, — природы своей, однако, он переменился не мог и городок разрушил. Он выбрал, правда, что получше — новую школу, крупные здания районных учреждений, все, чем могла похвастаться Черни, которая так же строилась до войны как люби наш город — выбрал лучшее и взорвал. Это лучшее, однако, состояло из почти десятых всех строений.

Начиная со Мценска, следы немецких разрушений еще не прикрыты обманчиво-живописным покровом сорняков и простираются на запад во всей своей устрашающей наготе.

Первальная линия немецких око-пов, за ней — вторая, раскинутые на стороны проволочные заграждения, починенные, свеже выструганные мосты, первый десяток вскрытых минных оболочек, отброшенных в кувет, за обочину, шоссе, увязшие склады германских солдат, наложенные позади траншей руками подневольных мценских горожан (о, бессмертная склондомная немецкая практическость!), — и вступаю на «всвобожденную землю Орловщины».

Здесь хочется минуту постоять, как у могилы бесстрашного солдата, как у памятника славы. На этих холмах, по ленивым их склонам, на виду у отдаленного горизонта, где-то где завитого простыми и ми-

ными перелесками, двинулись вперед наши войска, после того как полторы тысячи орудийных стволов пробили брешь в оборонительной стене врага. Рыбком с этих полей войска перекинулись через реку Зушу и пошли к Оке, вскоре раздвигая прорыв, шире и шире, охватывая отступающих немцев. Здесь началась Орловская битва. Здесь поломилась и рухнула одна из немецких военно-политических изюмин — вера в летний сезон, как в сезон успешных немецких наступлений. Здесь наперекор отжимающему немецкому спасению, поставлено исходина летних наступательных побед Красной Армии 1943 года.

С этих холмов начинает раскрываться картина немецких поражений, и становится видно, с каким безумием сопротивляется потрясенный враг, отходя, бека или плавь с востока на запад...

Балаконским Мценск взорван. Глыбы кирпичей, ошарашенные известью, мазанцы, наваленные по обе стороны Зуши. Всё центро поворота в плахах. Усталими муравьями приподнятыми и клонящимися к земле между развалинами людьми, в надежде отколовся, и только по окраинам видели деревянные домики, и народ в великой заботе суету по улицам...

Орел — это десятиминутное умопомрачительное развалины Мценска. Вынужденный бросать места, которые тепло насыщены, покидать позиции, крепости, которые со смаком настроены, оставлять нацики край, сладость которого текла по усам и едва не попала в рот немецкой уничижает все, что поддается уничижению.

Он ждет, палил огнем хаты, избы, амбары, сараи, риги — всяко строение, будь то человечий дом, будь то собачья конура — лишь бы оно горело. Он рвет и гомит каждый мост через канаву, передезы и переправы. Он рубит и валит леса, как во времена Батыя, нагромождая засеки против преследующего его Красной Армии. Он упраздняет железные дороги, подрывая рельсы на каждом стыке, перенаправляя взрывчаткой неоднократно терроризированный станий, разъездов, вокзалов. Он разносит минами здание за зданием, переходя от одного к другому, точно в адской кадрили.

Позади него остаются руины Дантонских настроений, денизенщина, кирпичной крошки, известию, бетонной, глинистой пыли, припуренной сверху пеплом и сажей. Тлен великого прошлого. Слезы землетрясения. Былье. И больше ничего.

По дороге ко Мценску мне пришлось переночевать в крошечном городке Черни Тульской области. Черни были непроложительного занятия германской армии в 1941 году — первым русским городом, перешедшим руку в руку, и отбросившим его от своих неприступных ворот Гордые брустверы, поперек тульских улиц, упали и поникли. В Черни делать немца было нечего, разгуляться — нечего; городок скромный, неприметный, как подожжен. И хотя немец в 41 году был не тот, что теперь — был его тогда в эту войну мы только вторые, и он имел основания считать, что случился просто какой-то малобюджетный курьез, — природы своей, однако, он переменился не мог и городок разрушил. Он выбрал, правда, что получше — новую школу, крупные здания районных учреждений, все, чем могла похвастаться Черни, которая так же строилась до войны как люби наш город — выбрал лучшее и взорвал. Это лучшее, однако, состояло из почти десятых всех строений.

Начиная со Мценска, следы немецких разрушений еще не прикрыты обманчиво-живописным покровом сорняков и простираются на запад во всей своей устрашающей наготе.

Первальная линия немецких око-пов, за ней — вторая, раскинутые на стороны проволочные заграждения, починенные, свеже выструганные мосты, первый десяток вскрытых минных оболочек, отброшенных в кувет, за обочину, шоссе, увязшие склады германских солдат, наложенные позади траншей руками подневольных мценских горожан (о, бессмертная склондомная немецкая практическость!), — и вступаю на «всвобожденную землю Орловщины».

Здесь хочется минуту постоять, как у могилы бесстрашного солдата, как у памятника славы. На этих холмах, по ленивым их склонам, на виду у отдаленного горизонта, где-то где завитого простыми и ми-

ными перелесками, двинулись вперед наши войска, после того как полторы тысячи орудийных стволов пробили брешь в оборонительной стене врага. Рыбком с этих полей войска перекинулись через реку Зушу и пошли к Оке, вскоре раздвигая прорыв, шире и шире, охватывая отступающих немцев. Здесь началась Орловская битва. Здесь поломилась и рухнула одна из немецких военно-политических изюмин — вера в летний сезон, как в сезон успешных немецких наступлений. Здесь наперекор отжимающему немецкому спасению, поставлено исходина летних наступательных побед Красной Армии 1943 года.

С этих холмов начинает раскрываться картина немецких поражений, и становится видно, с каким безумием сопротивляется потрясенный враг, отходя, бека или плавь с востока на запад...

Балаконским Мценск взорван. Глыбы кирпичей, ошарашенные известью, мазанцы, наваленные по обе стороны Зуши. Всё центро поворота в плахах. Усталими муравьями приподнятыми и клонящимися к земле между развалинами людьми, в надежде отколовся, и только по окраинам видели деревянные домики, и народ в великой заботе суету по улицам...

Орел — это десятиминутное умопомрачительное развалины Мценска. Вынужденный бросать места, которые тепло насыщены, покидать позиции, крепости, которые со смаком настроены, оставлять нацики край, сладость которого текла по усам и едва не попала в рот немецкой уничижает все, что поддается уничижению.

Он ждет, палил огнем хаты, избы, амбары, сараи, риги — всяко строение, будь то человечий дом, будь то собачья конура — лишь бы оно горело. Он рвет и гомит каждый мост через канаву, передезы и переправы. Он рубит и валит леса, как во времена Батыя, нагромождая засеки против преследующего его Красной Армии. Он упраздняет железные дороги, подрывая рельсы на каждом стыке, перенаправляя взрывчаткой неоднократно терроризированный станий, разъездов, вокзалов. Он разносит минами здание за зданием, переходя от одного к другому, точно в адской кадрили.

Позади него остаются руины Дантонских настроений, денизенщина, кирпичной крошки, известию, бетонной, глинистой пыли, припуренной сверху пеплом и сажей. Тлен великого прошлого. Слезы землетрясения. Былье. И больше ничего.

По дороге ко Мценску мне пришлось переночевать в крошечном городке Черни Тульской области. Черни были непроложительного занятия германской армии в 1941 году — первым русским городом, перешедшим руку в руку, и отбросившим его от своих неприступных ворот Гордые брустверы, поперек тульских улиц, упали и поникли. В Черни делать немца было нечего, разгуляться — нечего; городок скромный, неприметный, как подожжен. И хотя немец в 41 году был не тот, что теперь — был его тогда в эту войну мы только вторые, и он имел основания считать, что случился просто какой-то малобюджетный курьез, — природы своей, однако, он переменился не мог и городок разрушил. Он выбрал, правда, что получше — новую школу, крупные здания районных учреждений, все, чем могла похвастаться Черни, которая так же строилась до войны как люби наш город — выбрал лучшее и взорвал. Это лучшее, однако, состояло из почти десятых всех строений.

Начиная со Мценска, следы немецких разрушений еще не прикрыты обманчиво-живописным покровом сорняков и простираются на запад во всей своей устрашающей наготе.

Первальная линия немецких око-пов, за ней — вторая, раскинутые на стороны проволочные заграждения, починенные, свеже выструганные мосты, первый десяток вскрытых минных оболочек, отброшенных в кувет, за обочину, шоссе, увязшие склады германских солдат, наложенные позади траншей руками подневольных мценских горожан (о, бессмертная склондомная немецкая практическость!), — и вступаю на «всвобожденную землю Орловщины».

Здесь хочется минуту постоять, как у могилы бесстрашного солдата, как у памятника славы. На этих холмах, по ленивым их склонам, на виду у отдаленного горизонта, где-то где завитого простыми и ми-

ными перелесками, двинулись вперед наши войска, после того как полторы тысячи орудийных стволов пробили брешь в оборонительной стене врага. Рыбком с этих полей войска перекинулись через реку Зушу и пошли к Оке, вскоре раздвигая прорыв, шире и шире, охватывая отступающих немцев. Здесь началась Орловская битва. Здесь поломилась и рухнула одна из немецких военно-политических изюмин — вера в летний сезон, как в сезон успешных немецких наступлений. Здесь наперекор отжимающему немецкому спасению, поставлено исходина летних наступательных побед Красной Армии 1943 года.

С этих холмов начинает раскрываться картина немецких поражений, и становится видно, с каким безумием сопротивляется потрясенный враг, отходя, бека или плавь с востока на запад...

Балаконским Мценск

Сергей ЮТКЕВИЧ

«МЕЧТА»

Органичность художественного произведения проявляется прежде всего в его целостности, в единстве всех элементов, его составляющих. Как и должно быть во всякой хорошей ленте, судьбу ее определяют прежде всего голос и интонации писателя. Евгений Габрилович заставил для нас, киноработников, литератора. Для него киноискусство — потребность органической жизни. Поэтому все его сценарии стройны и оригинальны, на каждом из них лежит печать его творческой индивидуальности. И «Последняя ночь», и «Машеница», и «Мечта», и экранизация «Двух бойцов» — эти кинематографические повести — это увиденный художником по-своему.

Все эти повести обладают единой стилистической особенностью: Габрилович любит говорить прежде всего о людях, об их судьбах, казалось бы из первых взгляда обычных и незначительных, но в которых узнаешь мыльные субъекты нашего времени, нашего поколения. Он любит изображать мир, казалось бы малый и тесный, но реалии его, разделяющиеся им не следствием механического преувеличения масштабов, а проникновением глубы изображаемого и тогда этот мир становится многогранным и стереоскопичным и большой актор этого касается нас своим крылом.

Скупость средств художника есть признак его силы. Так в «Мечте» действие разворачивается как бы на окраине большого события, в меблированных комнатах Розы Скоробоход, в душном мирке, где маленькие люди слышат спертым воздухом мелкой наизмы и стяжательства, кухонных сплеток, необыкновенных, грошевых радостей. Но вот катушка эта катушка разворачивается кинолента и в этой трагической истории, курчавыми иллюзиями возникают мечты, пробивающие себе дорогу с таким же трудом, с каким пробивается сквозь грязь и мусор заброшенного пустыря живой зеленой росток.

И в этой простой и мудрой истории узнаем мы чertы большой трагедии, порожденной властью частной собственности над людьми, дурманом блаженств и золота, глаущими человеческое в человеке и делающим его уверологичным. И тема фильма дорога нам потому, что маленькая мечта крестьянской девушки Анны, ее прошение, ее ненасытная тяга к «большой земле» Советского Союза не есть только «частный случай», а правило выраженная «чудо-жития» советскую землю на экране, авторы по существу пропитали всеми ее дыханием весь фильм; весь он служит образным, эмоциональным доказательством существования единственный страны в мире, где осуществляются мечты, где творческий живой дух человека цветет, растет и крепнет.

И второе, чем ценен для нас фильм — это его тональность и остроумная сатирическая струя; до войны, да еще пожар и во время ее, за рубежом кое-кто еще был силен в мираж дешевой «элегантности» и «комфорта-блаженности» быта. «Ницше духом» обыватели европейских задворков охотно кое-где прикрылись этим «идеалом мещанского благополучия свое неумение и нежелание жить большой, настойчивой человеческой жизнью, побоявшись спрятаться от «неумолимого хода истории».

И когда грянула война, от первого же дуновения разлетелись эти карточные домики грошевой «элегантности», обесточила вся эта пестрая мишура, и тогда открылась зияющая пропаста душевной неустраенности, одиночества, пошлости и тоски. В истории господина Стаслава Комаровского (блестящий сыртаковский актер М. Астанинов) авторы фильма с сарказмом развенчивают эту легенду о псевдокомфорте, за которым скрываются лишь грязь и однотипие. Парадный костюм Комаровского, красующийся в цепофане в углу его жалкой каморки, это не только тонкий широк, идет деталь повествования — это знак, почти символ уродливого и страшного бытия.

Режиссер Ромм хорошо работает с актерами, поэтому так трогательно и по-новому зазвучал для нас и талантливый Платт и Ада Войчик, поэтому так запоминаются и Болдуин и Соловьев.

Мы часто вероятно спрашивали, насколько жалеемся на некоторую неведомку режиссерского, почеку в наших театрах. Если в чем и можно упрекнуть советскую кинематографию и ее режиссеров, то никак не в однообразии и унылости режиссерского мастерства. Советское киноискусство по-настоящему многообразно. Большинство фильмов наших мастеров всегда можно узять по их творческому почерку. У нас есть хорошие и одаренные режиссеры, к счастью все своему темпераменту и режиссерской палитре среди них Михаил Ромм занимает свое прочное и заметное место. Ромму удалось решить проблему, которую мы часто в своих спорах считали неразрешимой, проблему взаимоотношений отдельных компонентов кинематографической выразительности. Помчало считалось, что фильмы с подчеркнутой и выписанной оптической выразительностью всегда немножко хромают по части выявления человеческого поведения на экране и, наоборот, картины, в которых человек

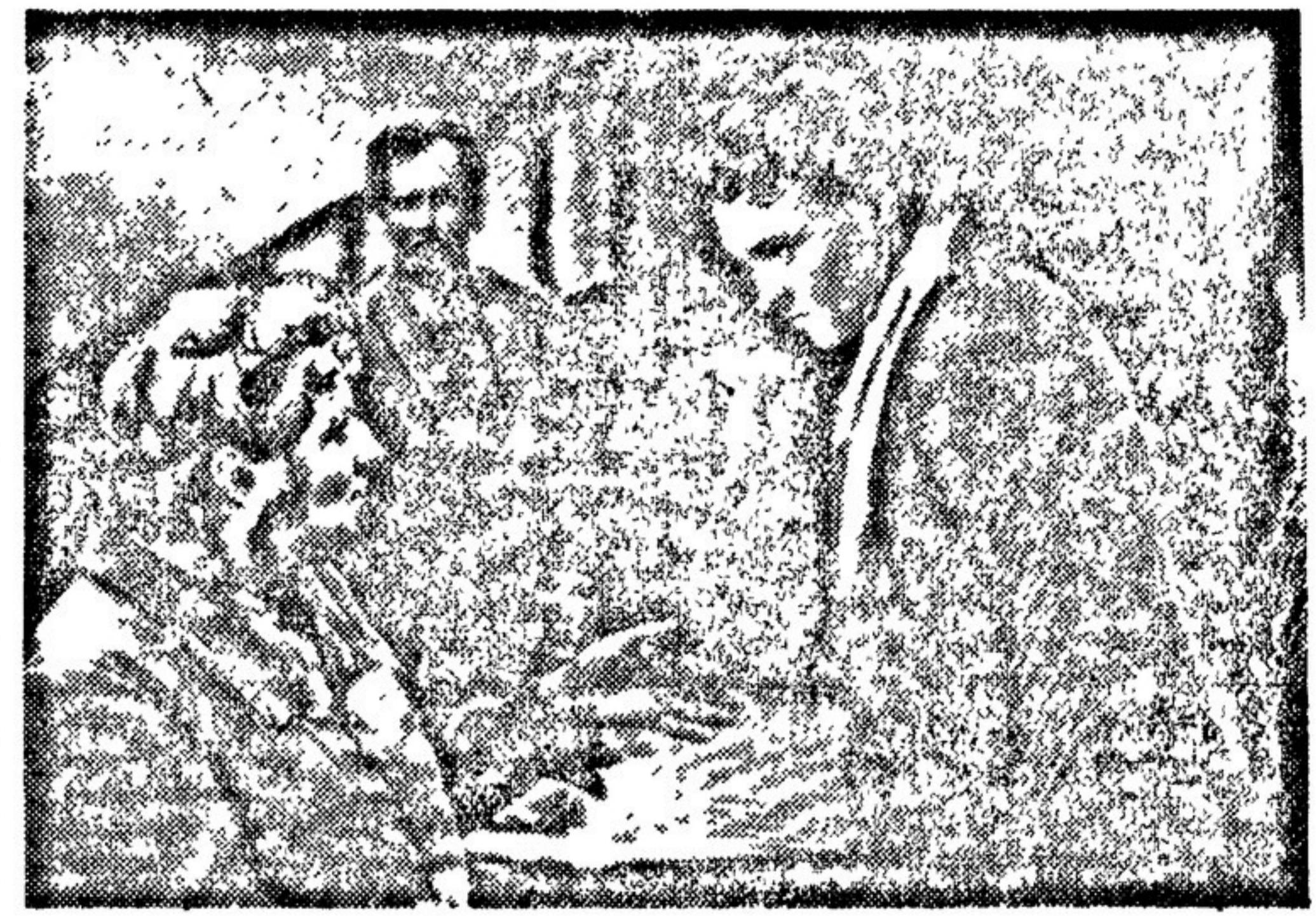
Я сказал об этом режиссера, он согласился со мной, но несколько смущенно заметил, что эти декорации я в спектакле не увижу. «Они мне тоже очень нравятся», — пояснил он, — но на таком спектакле, как «Фронт», я не хотел рискнуть.

На самом деле, к чему подвергались риски и искушениям, когда можно обзавестись единой универсальной отмычкой, об явить ее «хитайской системой» и пользоваться во всех случаях жизни? К чему творческих искасий, когда существует бытовое, комичное «правдолюбие», испытанное средство «реалистического» раскрытия темы?

Спору нет, в бытовой психологической пьесе «правдолюбие» всегда должно быть внешней формой действия. Но ведь не все пьесы написаны в жанре бытовом и психологическом. И если пьеса любого жанра обязательно обладает бытом и психологией, это не значит, что решать ей нужно в юношеской манере житейского «правдолюбия».

Возьмем, к примеру, «Фронт», пьесу, в которой есть и психологическая подчинена определенному жанру. Начало 2-го акта, беседа Гайдара и Мирона, публицистический характер пьесы в этой сцене оказывается особенно явственно. И если рассматривать ее в плоскости бытовой психологической драмы, то картина эта бледна и суха. Что же делать режиссеру «правдолюбию», чтобы наполнить ей, как сказать, жизненными соками и из публицистического плана перевести в бытовой?

Применяются разные способы — в одном театре подчеркивают интимность взаимоотношений Гайдара и Мирона; единомышленники подсаживаются друг к другу, обнимаются, говорят, будто заключенные друзья; во втором театре

Е. Кузьмина в роли Анны (справа) и Ф. Раневская в роли Розы Скоробоход.

Именно это сочетание смешного и драматического, иронии и искренности делают фильм примечательным выражением на советском экране, в нем, может быть, впервые удалось нащупать серно трагикомедию. Характеры, человеческие образы являются сущностью повести и картины и в то же время все то, что относится к спекулистическим средствам кинематографа, использовано мастерски. Это не только не мешает ленте в целом, но как раз и придает ей силу целостности и законченности, о которой и говорил вначале.

Работа оператора Б. Волчек — не просто хорошая операторская работа, а органический компонент киноповести, это режиссура цветом, кадром. Декорации Капуловского в этом фильме иллюстрируют ту мысль, что настоящий кинодраматург это не только «украшатель» или оформитель: для того, чтобы его труд был бы полноценным, он должен быть также немым «режиссером» (личным поэтом) этого активного воздействия на зрителя своими средствами выразительности, обязательные присутствие зрительного образа, слитного образом всего фильма в целом).

Мы хорошо знаем и любим кинодраматурка Елену Кузьмину. Мы запомнили ее и по «Новому Вавилону», и по «Одной», и по «Окнам». Но, пожалуй, ее дарование раскрылось наиболее полно лишь в этом фильме. На первый взгляд казалось, здесь есть все от ее привычного амплуа немного угловатой, наивной, чуть смешной девушки, но здесь мы еще узнали, какая добора и ум теплится в ее глазах, какая внутренняя сила и душевная чистота могут таиться в этом чуть неуклюжем существе.

Кузьмина всегда была актрисой точной формы, лаконичного, четкого рисунка, но здесь настырила она верность чувств и внутренним смыслом.

Режиссер Ромм хорошо работает с актерами, поэтому так трогательно и по-новому зазвучал для нас и талантливый Платт и Ада Войчик, поэтому так запоминаются и Болдуин и Соловьев.

Мы часто вероятно спрашивали, насколько жалеемся на некоторую неведомку режиссерского, почеку в наших театрах. Если в чем и можно упрекнуть советскую кинематографию и ее режиссеров, то никак не в однообразии и унылости режиссерского мастерства. Советское киноискусство по-настоящему многообразно. Большинство фильмов наших мастеров всегда можно узять по их творческому почерку.

У нас есть хорошие и одаренные режиссеры, к счастью все своему темпераменту и режиссерской палитре среди них Михаил Ромм занимает свое прочное и заметное место. Ромму удалось решить проблему, которую мы часто в своих спорах считали неразрешимой, проблему взаимоотношений отдельных компонентов кинематографической выразительности. Помчало считалось, что фильмы с подчеркнутой и выписанной оптической выразительностью всегда немножко хромают по части выявления человеческого поведения на экране и, наоборот, картины, в которых человек

Я сказал об этом режиссера, он согласился со мной, но несколько смущенно заметил, что эти декорации я в спектакле не увижу. «Они мне тоже очень нравятся», — пояснил он, — но на таком спектакле, как «Фронт», я не хотел рисковать.

На самом деле, к чему подвергались риски и искушениям, когда можно обзавестись единой универсальной отмычкой, об явить ее «хитайской системой» и пользоваться во всех случаях жизни? К чему творческих искасий, когда существует бытовое, комичное «правдолюбие», испытанное средство «реалистического» раскрытия темы?

Спору нет, в бытовой психологической пьесе «правдолюбие» всегда должно быть внешней формой действия. Но ведь не все пьесы написаны в жанре бытовом и психологическом. И если пьеса любого жанра обязательно обладает бытом и психологией, это не значит, что решать ей нужно в юношеской манере житейского «правдолюбия».

Возьмем, к примеру, «Фронт», пьесу, в которой есть и психологическая подчинена определенному жанру. Начало 2-го акта, беседа Гайдара и Мирона, публицистический характер пьесы в этой сцене оказывается особенно явственно. И если рассматривать ее в плоскости бытовой психологической драмы, то картина эта бледна и суха. Что же делать режиссеру «правдолюбию», чтобы наполнить ей, как сказать, жизненными соками и из публицистического плана перевести в бытовой?

Применяются разные способы — в одном театре подчеркивают интимность взаимоотношений Гайдара и Мирона; единомышленники подсаживаются друг к другу, обнимаются, говорят, будто заключенные друзья; во втором театре

я сказал об этом режиссера, он согласился со мной, но несколько смущенно заметил, что эти декорации я в спектакле не увижу. «Они мне тоже очень нравятся», — пояснил он, — но на таком спектакле, как «Фронт», я не хотел рисковать.

На самом деле, к чему подвергались риски и искушениям, когда можно обзавестись единой универсальной отмычкой, об явить ее «хитайской системой» и пользоваться во всех случаях жизни? К чему творческих искасий, когда существует бытовое, комичное «правдолюбие», испытанное средство «реалистического» раскрытия темы?

Михаил СТЕЛЬМАХ

Назачья

Мы живем, живем цели хлеба-соли
Ушили сапоги наши в черном доме,
И наша кровь горят в глазах озер.
И родители мы горя пили вволю,
Пусть враг им обгонется с этих пор!

Прокуренные горькими дымами,
Обстрелянны дровинами ветрами,
Калеными огнем, что кузницы,
Мы все ворота выбурили
Клиники.

Чтоб счастье шло землей во все
концы!

Уже гудят над миром звон
расплаты,
Воссталы из могил тела распятых,
Сожженных пепел посыпал ветра,
О, сабия наша, послужи нам
свято,

Вели вперед, подруга и сестра.

Прокуренные горькими дымами,
Обстрелянны дровинами ветрами,
Калеными огнем, что кузницы,
Мы все ворота выбурили
Клиники.

Чтоб счастье шло землей во все
концы!

Перевод кончаловской
Батильды Кончаловской.

◆◆◆◆◆

СОЗДАЛИМ КНИГИ
О ГЕРОЯХ ТАНКИСТАХ

Назачья в Главном Бронетанковом управлении РККА состоялась встреча писателей с командирами танковых соединений.

Выступление генерал-полковника Я. Н. Федоренко, член Военного совета генерал-лейтенант Н. И. Билюк, генерал-лейтенант М. Е. Батильды Кончаловской.

Приятно решение выпустить сборник «Танкисты и танки в Отечественной войне».

Решено также систематически выпускать литературно-художественные брошюры для юношества и школьников, посвященные героям танкистов.

Готовится серия публицистических брошюр «Танкисты — Герои Советского Союза» и «Танковые армии в наступлении».

Музыкой будет выпущен сборник песен и марш танкистов.

Для ознакомления писателей с темой и для написания материалов о боевой работе танкистов группа авторов — Л. Леонова, Л. Степанова, И. Эренбург, Вера Инбер, В. Шкловский, Р. Азаров и С. Кирсанов, а также танкистов, имеющих отмеченные медали, награды, ордена и звания, подготовлена специальная программа.

Но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Таня попадает на фронт и на фронте встречает своего героя,

но как только Т

Б. СУЧКОВ Под знаком борьбы

ЗАМЕТКИ О ЗАРУБЕЖНОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Однажды Герберт Уэллс, проповедник певец технического прогресса, написал весьма пессимистический рассказ — «Человек, который мог творить чудеса». Герой его, некий инженер Фотерингей — «человек с умами», возводил в себе сверхъестественную силу. Он превращал троих в благоухающие розовые кусты, а табачные коробки в порхающих голубей. Он даже дерзнул превзойти самого Иисуса Навина и оставил землю. Испугавшись непредвиденных последствий своего предприятия, он вернулся к его прежнему прозаическому состоянию и на всегда отказался от способности творить чудеса.

Мистер Фотерингей — это обобщенный образ человека не умеющего распорядиться своей судьбой, — хорошо знакомый нам по трагикомической маске Чаплина, по романам современных английских и американских реалистов и французских писателей поп-пушкистского («народнического») толка. Этот образ долгого время преобладал в зарубежной литературе, обнаружив ее отдаленность от реальной жизни народа.

Много воды утекло, прежде чем зарубежным мастерам культуры стало ясно, что подобное представление о человеке из народа совсем не соответствует действительности. Изменению их взглядов способствовало расширение антифашистского движения, охватившего все крупные страны Западной Европы.

Для того, чтобы понять новую общественную ситуацию,сложившуюся в предвоенные годы, зарубежных писателям нужно было преодолеть немало укоренившихся заблуждений и прежде всего об явить перед некоторым собственным воззрением на общество и историю. Слабые духом не выдерживали этой борьбы. Они либо уходили в мирок индивидуализма, либо капитулировали перед угрозой фашизма.

Тем же менее в бурное пятилетие, предшествовавшее второй мировой войне, сложилось, условно говоря, два значительных идейных направления зарубежной антифашистской литературы.

Одно из них — гуманистическое — противостояло фашизму великие демократические традиции. Создатели этого направления были крупнейшие писатели старшего поколения — последние могущественные буржуазии демократии. Их герои, великие гуманисты прошлого, — Сервантес и Монтень, Иосиф Флавий и Эразм, — символизировали непримиримость разума к общественному «неразумию». Но это были герои-одиночки, и народ играл при них только роль хора в античной трагедии.

Другое направление возникло в зарубежной литературе в период гражданской войны в Испании. В произведениях писателей, участников этой войны, народ вставал, как главная сила в борьбе с фашизмом за всечеловеческие идеалы.

С началом второй мировой войны фашизм посягнул на государственность и самостоятельное существование всех стран мира. С особой силой стала звучать в литературе мотивы борьбы народа за свою национальную независимость. Французский писатель католик Жорж Бернардо недавно определил национальную войну, как «войну расы против нации», (в книге «Слова борьбы», вышедшей в Алжире в 1942 г.). Сознание того, что сейчас обединенная борьба всех свободолюбивых народов против фашизма неразрывно связана с борьбой за национальное существование каждого народа, определяет ведущую тенденцию развития прогрессивной зарубежной литературы.

Эта тенденция за годы войны прошла своеобразную эволюцию. Джон Стейнбек в своей повести «Луна зашла» ставит темы борьбы за национальную независимость еще на условно обобщенном фоне. Но и в этой повести уже глашается образ непокоренного народа. Американец Энгстром для своего романа «Весна 1940 года» избирает местом действия Норвегию, а героя — норвежский народ, борющийся против гитлеровской оккупации. Чешский писатель Вейкспоф описывает в своем романе «Заря занимается» словацких партизан, действующих против немцев и гвардии Глинки. Но, пожалуй, наиболее характерным в этом отношении является роман антифашистского писателя Стефана Гейма «Заложники».

«Заложники» — первый, не вполне еще зрелый роман талантливого

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА Творческое совещание переводчиков в ССР ССР

Закончилась сессия Бюро национальных комиссий ССР, посвященная проблемам художественного перевода. Сессия длилась 5 дней. Обсуждались принципы перевода прозы с западных языков и языков народов ССР. На совещании много говорилось о методологии перевода, о необходимости сохранения поэтической интонации оригинала, смысловой точности, ритма, метрики и размера перевода.

Сессия открылась докладом П. Скосырева. Приведя ряд интересных высказываний русских классиков — от Сумарокова и Державина до Гоголя и Маяковского — об искусстве перевода и задачах переводчика, докладчик подчеркнул, что давний спор о текстологической точности и вдохновенной вольности надо считать решенным в пользу перевода истинно поэтического, а не работы подчиненного подстроичника. Переводческая традиция русской классической литературы должна следовать современным писателям-переводчикам, усилиями которых воссозданы на русском языке прекрасные образы бессмертного эпоса народов ССР, классические и современные произведения литературы братских республик и зарубежной литературы.

С интересом был заслушан теоретический доклад С. Шервинского.

О творческой удаче русских поэтов (в частности, А. Ададис), работающих над переводами поэзии Азербайджана, говорил Самед Вургун, рассказавший также о своей многолетней работе над переводами «Евгения Онегина» на азербайджанский язык.

И. Варес отметил высокое качество переводов первой его книжки стихов и консультировался особенностями переводов с языком прибалтийских республик. Этой же теме посвящен и доклад Я. Сударкаса, прочитанный П. Скосыревым.

О переведческой работе в армянской литературе рассказал Я. Хачатрян. Культура перевода в Армении стоит на той точке зрания, что ритм и, в частности, разные произведения являются полноценным компонентом стихотворного целого, и потому, наряду с другими компонентами, должен быть отражен в переводе. С. Шервинский считает, однако, что при переводе разомером подлинника не следует быть узко педантичными и приносить в жертву размеры других компонентов поэтического произведения.

Причины перевода прозаического произведения были поставлены на обсуждение в выступлениях А. Эфроса, А. Дейча, М. Зельдовича и М. Стариковича, работающей над переводами западной литературы на украинский язык. О роли редактора и принципах рецензии художественного перевода говорил своему выступлению А. Деве.

Лаборатория переводчика, его стремление передать поэтическую интонацию автора, скрупулезные поиски точного слова, идиомы были темой выступлений С. Мартина, Р. Синюкова, М. Замаховской, В. Заягиной, Д. Бродского.

К Чуковскому рассказал о переводах Чехова, Блока, Маяковского и других лириков на английский язык, подчеркнув, какое огромное политическое значение подчас имеет качество перевода иноязычных поэтов.

На совещании выступили также И. Уткин, Т. Дынник, Л. Том и

молодого писателя. Он растигнут, дидактичен, некоторые его персонажи кажутся схематичными. Но самый замысел романа интересен и своеобразен. Действие «Заложников» происходит в Праге зимой сорока первого года. Сюжетную основу романа составляет подготовка чешскими патриотами взрыва боеприпасов, съезжавших солдатами для отправки на советско-германский фронт.

В центре повествования — судьба пяти приговоренных к расстрелу заложников, попавших в заложников в общую камеру. Их арест — эпизод дьявольской инсценировки, которую разыгрывают немцы, выдавшие самому себе спасшегося из плена офицера за преданных ренегатов убийств.

Итак, в одной камере оказались пять человек — различных по своему характеру, политическим убеждениям, социальному положению. Это журналист Лобкович, актер Прошкин, психиатр Валлерштейн и рабочий Яношек. Все они переполнили неминуемую смерти ведут себя разномысльно. Ни Лобкович, ни Прошкин, ни Валлерштейн не были активными борцами против немецких оккупантов. Они ненавидели немцев, но не знали и не искали путей борьбы с ними. Прейнингер, открыл «сотрудничество» с немцами и в дальнейшем «ведет себя предательски». Один Яношек был членом подпольной антифашистской организации. Только он был носителем общественного сознания в безнадежной игре со смертью, которую вели пятеро обреченных. Автор наделил его чертами Швейка. Но это не тот Швейк, какого мы знаем из бессмертной книги Гашека. Нет. Это новый, германский Швейк, ставший подпольщиком. Он прикладывается пристально к разговорам с немцами, проводит и обманывает этих самодовольных мерзавцев, от сохранив свою неистребимую жизнестойкость под страшными пытающими, и прятается в Красной Армии, взлетая на воздух, в радио разномыслии. Я вижу будущее, я вижу, как мои усилия, в соединении с усилиями многих, образуют мощный поток, который снесет все препятствия!..

И действительно, в час расстрела заложников звуки ружейного залпа потонули в горючите чудовищного взрыва. То, что боролся Яношек, и другие патриоты, свершилось. Бомбился, прятался в Красной Армии, взлетели на воздух, в радио разномыслии. Я вижу будущее, я вижу, как мои усилия, в соединении с усилиями многих, образуют мощный поток, который снесет все препятствия!..

Разрабатывая в стилях особенностях сценической игры М. Бабанова, Ю. Глазер, М. Штрауха, К. Пугачевой, Ф. Ранской, Е. Тагиной, С. Веселовской и др. все наилучше характерное для их творческих устремлений, обединяется это с художественными идеями ведущей режиссурой театра, его художниками и композиторами — таковы основные залоги постановки Верховного Совета Узбекской ССР.

Новый художественный руководитель Московского театра Революции Н. Охлопков рассказал изменившемуся творческим задачам театра и его репертуаром плане:

— Развивать в стилях особенностях сценической игры М. Бабанова, Ю. Глазер, М. Штрауха, К. Пугачевой, Ф. Ранской, Е. Тагиной, С. Веселовской и др. все наилучше характерное для их творческих устремлений, обединяется это с художественными идеями ведущей режиссурой театра, его художниками и композиторами — таковы основные залоги постановки Верховного Совета Узбекской ССР.

Таким образом, предстоящий сезон следует рассматривать, как разбег театра, как подготовку к переходу в новое качество, как сориентацию из разных областей искусства творческих единомышленников, стремящихся утвердить на сцене высокую театральность, большую художественную выразительность и воображения, без которых правда о жизни и человеке остается бесцельной.

Мы твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Пьеса А. Ржевского «Моя Мадлен» говорит о патриотизме французского народа. «Франция веселится», «Франция на коленях», «Франция борется» — таковы основные залоги пьесы, которую ставят В. Гусева.

Над постановкой «Мещанина во дворянстве» будет работать режиссер театра им. Вахтангова А. Тутынин. Вообще творческая дружба с вахтанговцами я хочу и в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Над постановкой «Мещанина во дворянстве» будет работать режиссер театра им. Вахтангова А. Тутынин. Вообще творческая дружба с вахтанговцами я хочу и в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А. Лобанов, В. Дудин и др., таких художников, как В. Рындин, П. Вильямс, Н. Акимов и др., таких композиторов как Д. Шостакович, А. Хачатрян, А. Гобуцян (с которым был связан мой отец) будут в дальнейшем всемирно укреплять и развивать. Для оформления этого спектакля приглашен Н. Акимов.

Это твердо надеемся, что работа в театре таких мастеров как Ю. Тютюнчик, Г. Козинец, Н. Акимов, А